

Три часа у Герберта Уэллса

В середине июля 1934 года в СССР приехал английский писатель-фантаст Герберт Уэллс (1866...1946 гг.). Это был его третий приезд в нашу страну: в 1914 году, в конце сентября 1920 года и в июле 1934-го. В свой последний визит Уэллс совершил поездку по стране, присутствовал на физкультурном параде на Красной площади в Москве, посетил ЦПКиО им. М. Горького*, встречался с И.В. Сталиным и М. Горьким, с учеными, писателями, деятелями искусств. В конце июля 1934 года он прибыл в Ленинград.

---

* Здесь в книге почетных посетителей он оставил 25 июля 1934 года любопытную запись, снабженную автошаржем: «Когда я умру для капитализма и снова воскресну в советских небесах, то хотел бы проснуться непосредственно в парке культуры и отдыха».

История второго посещения Уэллсом России довольно известна. Известна и его книга «Россия во мгле» («Russia in the Shadow»), написанная после этого. Английское слово *shadow* довольно емкое, его можно перевести по-всякому: «мрак», «туман», «тьма», «призрак» – все эти слова, по мнению Уэллса, годились для характеристики РСФСР 20-х годов.

В.И. Ленин между 9 и 14 октября 1920 года принял Уэллса и беседовал с ним. Не очень поверил Герберт Уэллс в дерзновенную мечту Владимира Ильича о превращении старой, отсталой России в Россию социалистическую, электрическую. Приглашение В.И. Ленина – приехать лет через десять – Уэллс принял любезно, но и с изрядной дозой скепсиса: ему, писателю-фантасту, показались чрезмерно фантастичными планы «кремлевского мечтателя». Действительно, правоверному фабианцу Уэллсу трудно было поверить, что сбудутся планы Ленина. В этом отношении Уэллс отличался от своего соотечественника, тоже фабианца Бернарда Шоу, который оказался проициательнее. Известен его автограф на книге, подаренной В.И. Ленину в 1921 году: «Николаю Ленину, единственному европейскому правителю, который обладает талантом, характером и знаниями, соответствующими его ответственному положению». Шоу сразу поверил в жизнеспособность Страны Советов. В 1931 году, посетив Московский электrolамповый завод, он сказал, обращаясь к рабочим: «Товарищи, выполняйте пятилетний план в три года, а потом вам будет легче».

Какой предстала перед Уэллсом наша страна в 1920 году? На всем лежала печать разрушения. Первая мировая, гражданская войны, иностранная

военная интервенция (одним из активных инициаторов которой был соотечественник Уэллса – Уинстон Черчилль) привели к тому, что в 1920 году объем промышленной продукции был в 7 раз меньше, чем в 1913-м, транспорт находился в катастрофическом состоянии, сельское хозяйство подорвано в корне. Электрической энергии было выработано всего 400 миллионов киловатт-часов (сегодня такое количество производится в СССР за 2,5 часа!). Краем телеги, курной избы, лучины и лаптей – такой виделась Герберту Уэллсу наша страна. Россия во мгле...

Для Владимира Ильича Ленина и Коммунистической партии, для всего советского народа отсталость и разруха были тяжким, очень тяжким наследием прошлого, но преодолимым. И ключ к этому В.И. Ленин видел в сплошной электрификации социалистической России по единому государственному плану ГОЭЛРО, который он назвал «второй программой партии».

Когда в Москву пришла из Англии книга Уэллса, В.И. Ленин весьма внимательно прочитал ее. Экземпляр книги буквально испещрен его пометками, подчеркиваниями, значками «нота бене», восклицательными и вопросительными знаками, надписями.

И вот в 1934 году Уэллс снова увидел нашу страну. В тот год было выработано более 21 миллиарда киловатт-часов электроэнергии (третье место в мире). Мгла рассеялась! СССР предстал перед английским фантастом как громадная новостройка – от Японского моря до Балтийского.

Пребывание Герберта Уэллса в Ленинграде было сравнительно кратким, но весьма насыщенным: он беседовал с академиками И.П. Павловым и Л.А. Орбели, писателем А.Н. Толстым, посетил Петергоф, Детское Село, Эрмитаж.

Но была еще одна встреча, о которой широкому читателю почти ничего не известно, – встреча с группой ленинградских популяризаторов науки. Инициатива исходила от Якова Исидоровича. Утром 29 июля 1934 года он предложил организовать встречу с английским писателем-фантастом. Это оказалось сделать сравнительно легко. При содействии ленинградского отделения Общества культурной связи с заграницей (ВОКС) встреча состоялась 1 августа 1934 года в гостинице «Астория»*. Было решено преподнести Уэллсу по экземпляру его книг, изданных в СССР после 1917 года, что оказалось непростой задачей – пришлось побывать у многих букинистов, посетить (увы, теперь уже не существующие) книжные развалы, чтобы собрать нужные издания. Перельман и Рынин поступились некоторыми экземплярами книг из своих собраний.

* Первую краткую публикацию о ней см.: Мишкевич Г.. Встреча в «Астории». – Уральский следопыт, 1962 г., №7, с. 36...39. Здесь дается впервые полное описание этой встречи.

Задолго до назначенного часа в холле гостиницы «Астория» собрались члены «депутации» – профессор Борис Петрович Вейнберг (отлично владея английским языком, он согласился быть переводчиком), Яков Исидорович Перельман, Александр Романович Беляев, Николай Алексеевич Рынин, директор издательства «Молодая гвардия» Матвей Юльевич Гальперин и автор этой книги.

Ровно в шесть вечера мы вошли в номер. Нас встретил высокий человек в сером костюме, с коротким «бобриком» на голове, с глубоко посаженными, внимательными, но усталыми голубовато-серыми глазами. Борис Петрович поочередно представил гостей, и Уэллс, крепко пожимая руку каждому, приговаривал по-русски:

– Очень приятно...

Все уселись у круглого стола, заставленного вазами с фруктами, тарелками с бутербродами, бутылками с прохладительными напитками. Уэллс пододвинул коробку с сигарами, и при помощи Б.П. Вейнберга началась беседа, тон, характер и содержание которой лучше всего передать, если воспроизвести ее «в лицах».

УЭЛЛС:

– Я очень рад представившейся мне возможности встретиться со своими коллегами по перу. Это, кстати, одна из главных целей моей поездки в Советский Союз.

Дело в том, что после смерти Джона Голсуорси я был избран президентом сообщества писателей «Пенклуб». В Москве я виделся с Максимом Горьким, с которым обсуждал вопрос о вступлении Союза советских писателей в «Пенклуб». Но Горький решительно отклонил мое предложение на том основании, что «Пенклуб», не делая никаких политических различий, принял в число своих юридических сочленов корпорации писателей Германии и Италии. Я лично был весьма огорчен, услышав из уст Горького отказ...

БЕЛЯЕВ:

– Это, по-видимому, произошло потому, что некоторые писатели гитлеровской Германии и фашистской Италии, не желая служить делу мира

и гуманизма, изменили ему и предпочли поддерживать сумасбродные устремления кровавых диктаторов...

УЭЛЛС:

– Писатель, мой дорогой коллега, должен по возможности быть вне политики. В противном случае его творчество может оказаться не свободным от влияния тенденции, не так ли?

БЕЛЯЕВ:

– Мистер Уэллс, позвольте спросить вас, разве вы как крупный литератор абсолютно свободны от тенденциозности? Например, вот один из ваших романов, я прочитал его недавно. Где-то в середине 60-х годов нашего века, говорится в романе, прокатилась новая мировая война. Бомбами невиданной силы города испепелены, камни расплавлены, люди истреблены... Чудом уцелели только двое – юноша Питер и девушка Джоан. А от всей человеческой цивилизации остался лишь сломанный велосипед. И двое молодых людей, словно Адам и Ева, начинают новый человеческий род на руинах старого мира. Разве в этом романе не проступает явная тенденция и социальный протест против новой войны миров?

УЭЛЛС:

– У нас, любезный коллега, совершенно разные подходы. Я исхожу из всечеловеческого добра, вы видите во всем классовую борьбу...

ПЕРЕЛЬМАН:

– Полагаю, что ваш превосходный роман «Борьба миров» и есть одно из самых лучших воплощений в художественной литературе этой классовой войны. Правда ведь?

УЭЛЛС:

– Возможно, возможно... Простите, не вы ли тот самый Джейкоб Перлман, который столь своеобразно интерпретировал мои некоторые сочинения? Я прочитал вашу «Удивительную физику» и нашел в ней ссылки на мои романы.

ПЕРЕЛЬМАН:

– Тот самый...

УЭЛЛС:

– ...и который так ловко разоблачил моего «Человека-невидимку», указав, что он должен быть слеп, как новорожденный щенок... И мистера Кэвора за

изобретение вещества, свободного от воздействия силы земного притяжения...

ПЕРЕЛЬМАН:

– Каюсь, мистер Уэллс, это дело моих рук... Но ведь от этого ваши романы не потеряли своей прелести. УЭЛЛС:

– А я, признаться, так тщательно стремился скрыть от читателей эти уязвимые стороны моих романов. Как вам удалось разгадать их?

ПЕРЕЛЬМАН:

– Я, видите ли, физик, математик и популяризатор науки*.

---

* Я.И. Перельман вспоминал об этом эпизоде встречи с Уэллсом: «На этот давно обнаруженный мною недосмотр в рассуждениях Уэллса я имел возможность обратить внимание писателя лишь в 1934 году, при его посещении СССР» (Перельман Я.И. Межпланетные путешествия. Изд. 10-е. М. – Л., 1935 г., с. 26).

Когда стих смех, вызванный этим диалогом, Уэллсу были преподнесены три увесистые пачки его книг, изданных в СССР после 1917 года и одновременно вручена справка о том, что их общий тираж превысил два миллиона экземпляров.

УЭЛЛС:

– Благодарю вас за весьма ценный и приятный для меня дар. Два миллиона! Но ведь это гораздо больше, чем издано за то же время в Англии. Весьма, весьма приятный сюрприз!

РЫНИН:

– Как видите, ваши книги охотно читают у нас потому, что любят и знают вас как признанного классика научной фантастики.

БЕЛЯЕВ:

– Читают ли в Англии произведения советских писателей-фантастов?

УЭЛЛС:

– Я по нездоровью не могу, к сожалению, следить за всеми переводными новинками, но знаю, что книги ваших писателей фантастического жанра британская публика читает весьма охотно. Я лично с большим удовольствием прочитал ваши чудесные романы «Голова профессора Доуэля» и «Человек-амфибия». О, они весьма выгодно отличаются от западных книг такого же направления. Я даже немного завидую их огромному успеху...

ГАЛЬПЕРИН:

– Чем именно они отличаются, позвольте узнать? Мы будем вам чрезвычайно признательны, если вы хотя бы кратко охарактеризуете общее состояние научной фантастики за рубежом. Ведь этот род литературы – один из самых массовых, и он очень любим нашей молодежью.

УЭЛЛС:

– Вот вам мой ответ, господин директор. В современной западной научно-фантастической литературе невероятно много беспочвенной фантазии и столь же невероятно мало мысли. Научная фантастика, особенно американская, постепенно становится суррогатом литературы. За внешне острой фабулой кроется низкопробность научной первоосновы, отсутствие всякой социальной перспективы и морали, безответственность издателей. Вот что такое, по-моему, наша фантастическая литература сегодня. Она не поднимается выше избитых сюжетов о полетах к далеким небесным мирам, избегает иных мотивов. Между тем задача всякой литературы, в том числе, а может быть, и особенно, научно-фантастической, – провидеть будущее с его социальными, психологическими и научными сдвигами и прогрессом цивилизации, способствовать усовершенствованию человечества. И, если хотите, предостеречь его от самоуничтожения... Впрочем, быть может, я слишком субъективен? Но в своем профессиональном кругу я могу высказать подобные суждения, не боясь быть понятым превратно, не так ли?

БЕЛЯЕВ:

– Все сказанное вами чрезвычайно интересно и важно. Могу сказать, что мы можем лишь искренне порадоваться тому, что наши мнения по данному вопросу совпадают.

ПЕРЕЛЬМАН:

– Нас очень интересуют ваши личные планы. Над чем сейчас вы работаете?

УЭЛЛС:

– Мне шестьдесят восемь лет. И каждый англичанин в моем возрасте невольно должен размышлять над тем, зажжет ли он шестьдесят девятую свечу на своем именинном пироге... Поэтому меня, Герберта Уэллса, в последнее время все чаще интересует только Герберт Уэллс... И все же, невзирая на годы, продолжаю работать над книгой, в которой стремлюсь отобразить некоторые черты нынешней смутной поры, чреватой новой борьбой миров.

БЕЛЯЕВ:

– Мы знаем вас как убежденного противника фашизма, и нас крайне радует, что вы не остаетесь в стороне от общей борьбы против губителей человеческой культуры и цивилизации. Правильно ли я вас понял, мистер Уэллс*?

---

* Война застала А.Р. Беляева в Детском Селе. Прикованный болезнью к постели, он не мог передвигаться и вынужден был остаться на месте. Когда город был захвачен гитлеровцами, гестапо усиленно разыскивало Александра Романовича, чтобы покарать его за антифашистские романы. Лишь смерть спасла писателя от неминуемой расправы и пыток...

УЭЛЛС:

– Более или менее правильно.

ВЕЙНБЕРГ:

– Мы убеждены, мы верим, что вы окажетесь на той же стороне баррикады, на которой будем и мы, если грянет новая борьба миров.

УЭЛЛС:

– Мой дорогой профессор, боюсь, что из меня выйдет неважный баррикадный боец... Да и кроме того, когда заговорят пушки и начнут падать с неба бомбы, вряд ли люди услышат скрип наших перьев... Да еще писателей-фантастов*.

---

* Тем не менее действительность вынудила Герберта Уэллса занять место на баррикаде – он стал обличать фашизм. Летом 1942 года писатель Л.В. Успенский, находившийся на Ленинградском фронте, написал Уэллсу письмо, призывая его публично осудить фашизм. Английский романист в ответном письме (в августе того же года) писал: «Дорогой командир Успенский, сотоварищ по перу и по нашей общей борьбе за изобильную жизнь всего человечества!.. Мы встали плечом к плечу не для того, чтобы разрушать, но для того, чтобы спасти. Вот почему я подписываюсь тут как братски ваш во имя достигающей своих вершин всечеловеческой революции во всем мире. Герберт Джордж Уэллс» (Вторжение в Персей. Сб. научной фантастики. Л., 1968 г., с. 443...468).

РЫНИН:

– Не скажите, не скажите... Иное перо, например перо Владимира Ильича Ленина много сильнее пушек!

Уэллс задумчиво оглядел своих гостей, а потом что-то тихо сказал. Вейнберг поднялся и произнес:

– Мистер Уэллс благодарит за визит. Он просит извинения, у него разболелась голова...

Уэллс крепко пожал всем руки и проводил до дверей. Часы в холле «Астории» показывали ровно 21.00.